

ПОЭЗИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА О САДАХ ПЕТЕРБУРГА

Петербург, задуманный как город-парадиз, уже в XVIII веке представлял "царство садов", которые "широким кольцом окружали столицу" [9, с.4,78], о чем сегодня напоминает, в частности, название "Садовая улица". Г.Державин недаром сравнивал город с цветником: "Вижу, Севера столица / Как цветник меж рек цветет..." [7, с.59]. Однако долгие десятилетия городские сады были обойдены вниманием поэтов: им было посвящено несравненно меньше поэтических строк, чем, например, Медному всаднику или Адмиралтейству, Неве и Исаакиевскому собору. К тому же грандиозные дворцовые ансамбли пригородов (Царского Села, Петергофа, Павловска, Стрельны, Ораниенбаума) затмевали в глазах посетителей сады и скверы города, не исключая даже знаменитый Летний сад.

Тем не менее, сад, являясь в Петербургском тексте элементом культурного кода [10, с.61], раскрывает суть этого городского топоса. По образному определению О.Мандельштама, вместе с "разливом площадей", "островами памятников", "кариатидами Эрмитажа" "кудрявые сады" составляют "нежное сердце города" [6, с.9].

На рубеже XIX-XX веков в Петербурге насчитывалось около десяти больших парков и более двадцати скверов [1]. И хотя здесь, по словам В.Брюсова, явно проецирующего Петербург на Париж, "не разводил садов Ле-Нотр" [7, с.309], существовало немало замечательных зеленых "интерьеров" города. Празднованием 200-летия Петербурга было инициировано внимание к его культурному наследию, чему немало способствовала деятельность группы "Мир искусства" во главе с А.Н.Бенуа. Размышляя о Петербурге, художник писал: "Мы желали бы видеть его цветущим, развивающимся и отражающим высшую степень культуры; нам только кажется, что для этого вовсе не требуется разрушения прекрасного старого. Мы твердо убеждены, что в формах этого старого выразилась какая-то своеобразная красота, которая может служить и теперь источником вдохновения" [2]. В живописных и графических работах А.Бенуа, М.Добужинского, Г.Лукомского, А.Остроумовой-Лебедевой, Е.Лансере был запечатлен образ прекрасного и таинственного Петербурга, возникшего вопреки природе. Эту эксцентричность города и, в частности, его садово-парковых ансамблей остро чувствовали поэты-символисты:

И волею неземнородной
Царя, закованного в сталь,
В пустыне, скудной и холодной,
Воздвигнут Северный Версаль.

Где вечно плакали туманы
Над далью моха и воды,
Забили светлые фонтаны,
Возникли легкие сады. [7, с.352]

Но в начале XX века, помимо эстетической ценности садов, возросло их рекреационное значение: возможность, удалившись от суматохи большого города, предаться здесь спокойным размышлениям. Тогда и началась поэтическая рефлексия петербургских садов, в результате которой отдельные из них приобрели неповторимую поэтосферу [8].

Модернисты, воспринявшие культуру как особый эстетический феномен, по существу первыми вписали сады в метафизическое измерение. Символистов, чаявших Божьего рая, а ригористов не могли привлекать сады в городе, осмысляемом как антитеза духовному идеалу. Кроме того, они ощущали внутреннюю полярность столицы. З.Гиппиус, подчеркивая эсхатологичность Петербурга ("ты утонешь в тине черной, / Проклятый город, Божий враг"), отмечала в его садах печать гибельности, разложения: "Из скверов тянет трупной мглой" [6, с.284-285].

Тот же "тлетворный дух", и не только в городе, но и в его пригородах, ощущал А.Блок. Сады у него не выступают оздоровительной антитезой Страшному миру, поскольку соблазнительная и

разрушительная сила города вторгается в природную среду. Тленностью и пошлостью веет от ресторанов и "загородных дач" в "Незнакомке". Охваченный порочной страстью, герой Блока "с постоянством геометра" предается "продолженью бала", кутежам: "Вновь оснеженные колонны, / Елагин мост и два огня. / И голос женщины влюбленный. / И хруст песка и храп коня" [3, с. 186]. Символисты в скверах, садах и парках столицы увидели знак не преобразования, а поруганности природы: она утратила свою естественность в угоду человеку. Иначе говоря, символисты осмыслили оппозицию природы и культуры как противостояние Божьего сада саду человеческому.

Если символисты ассоциировали свой идеал, перенесенный на землю, с раем природы, противопоставляя ее цивилизации, то футурист Б.Лившиц, напротив, столичный Петербург уподоблял райскому саду. Причина кроется не только в урбанистическом сознании поэта, но и в своеобразной метафизике города [11, с.5-36]. Создавая свою мифологию Петербурга, Лившиц использует мотив творца, стремящегося "насытить туман цветами чугуна" [5, с.68], подчинить стихию культуре. Поэтому растительность в городе, олицетворяющем цивилизацию, создана не природой, а искусными мастерами. Архитектор выступает здесь в роли садовника, как, например, строитель Исаакиевского собора О.Монферран, взрастивший "чудо лютицейских роз" из "дикого камня":

Золотосердой - в наше лоно
Несеверные семена! -
Из Монферранова бугона
Ты чуждым чудом возвращена.

И к сердцу каждого потира
Забывший время златолей
Уводит царственное мирро
Твоих незыблемых стеблей. [5, с.69]

А волею зодчего А.Захарова "расцветает наконец / Златой адмиралтейский ирис". [5, с.70]

Библейская символика обнаруживается в изображении чугунных оград, в рисунке которых автор усматривает прихотливый "веточный уклон" и "цветка внезапный завиток" [5, с.74] на литой решетке Казанского собора, "гроздь винограда" [5, с.79] на ограде вокруг памятника Петру I. Повышенное внимание автора к решеткам призвано подчеркнуть огражденность "ново-рожденного града" от первобытного хаоса и защищенность от грехопадения: "хитрый виноградосбор" [5, с.74] сжимает "туго" "увертливого" змия. И все же поэт сомневается в его прочности среди "первоначальных вод": "Разве можно так утончить / Этот дымный вертоград?", опасаясь, что это только мираж, "вымысл" "речной пыли" [5, с.80]. Ведь, по заключению В.Топорова, Петербург является "не результатом победы, полного торжества культуры над природой, а местом, где воплощается, разыгрывается, реализуется *двоевластие* природы и культуры" [10, с.35].

Вот почему в городе, раскинувшемся по берегам рек и каналов, так много решеток. Начиная с Пушкина, воспевшего "оград узор чугунный", петербургские сады часто обозначаются именно решетками, особенно Летний сад. При этом для большинства авторов в первую очередь важна эстетизация этого паркового атрибута [8, с.173]. Напротив, В.Хлебников, герой которого совершает прогулку по революционному Петрограду, подчеркивает в ограде, как и Б.Лившиц, функцию защиты: "А решетка садов стоит стражей судьбы" [7, с.398]. Но, независимо от интерпретации, все поэты, акцентируя внимание на решетках, позиционируют сады как иное пространство.

В пору исторических катаклизмов становилось ясно, что в земных пределах райское, идеальное не может быть воплощено. Сбывались мрачные предчувствия символистов: "наш город темный / В темном море потонул", как писала в 1917 году А.Радлова [7, с.341]. Потому она с безнадежностью утверждала: "Полынь-звезда взошла над нашим градом, / Губительны зеленые лучи. / Из-за решетки утреннего сада / Уж никогда не вылетят грачи" [7, с.342]. Даже советскому поэту Н.Асееву Петербург казался миражом: "это марево / или игра - / эти вздохи / дворцов и мостов, / усыпленных / садов филигрань?! / Это - выдумка / или всерьез?" [7, с.525]

Скептическое отношение к жизни отразилось в "Элегии" Вл. Ходасевича (1921), где звучит символистский мотив раздвоения души и тела. И что немаловажно, душа томится на пороге "как бы двойного бытия" в одном из центральных парков города - за кронверком Петропавловской крепости:

Деревья Кронверкского сада
Под ветром буйно шелестят.
Душа взыграла. Ей не надо
Ни утешений, ни усад.

Стихия природного мира усиливает тоску по запредельному (раю или аду - неважно). Если в предшествующем творчестве Ходасевича уход "с берега земного" в иное измерение не означал отрицания ценности повседневной жизни, благодаря которой лирический герой смотрел "как бы обратным взором / В себя" [4], то теперь его душа, находясь в трагическом разладе с миром, окончательно покидает земное пространство, уходя "в огнекрылатые огни":

Там все огромно и певуче,
И арфа в каждой есть руке,
И с духом дух, как туча с тучей,
Гремят на чудном языке.

<...>

И навсегда уж ей не надо
Того, кто под косым дождем
В аллеях Кронверкского сада
Бредет в ничтожестве своем.

И не понять мне бедным слухом
И косным не постичь умом,
Каким она там будет духом,
В каком раю, в аду каком. [7, с.497]

Для эмигрантов петербургские сады, связанные с минутами счастья, - райские, что хорошо видно на примере лирики В.Набокова. Воспринимая Петербург под знаком русской культуры, в первую очередь - пушкинского гения, он воспроизводит его во многом в пушкинском ключе, что отразилось в стилистическом строе стихотворений, в цитатах из пушкинских произведений, в самом контексте. Так, его стихотворение "Санкт-Петербург" (1924) представляет своеобразную вариацию пушкинского "Заклинания":

Ко мне, туманная Леила!
Весна пустынная, назад!
Бледно-зеленые ветрила
дворцовый распускает сад.

Орлы мерцают вдоль опушки.
Нева, лениво шелестя,
как Лета, льется. След локтя
оставил на граните Пушкин.

<...>

В Петровом бледном небе - штиль,
флотилия туманов вольных,
и на торцах восьмиугольных
все та же золотая пыль. [7, с.496-497]

Для автора в принципе неважно, к Летнему или Зимнему дворцу примыкает изображенный здесь сад, но сам он - воздушный и летящий - значим чрезвычайно. Распускающаяся нежная зелень деревьев ассоциируется с парусами города-миража, с потерянным раем, когда-то зем-

ным, а теперь туманным, каким из эмиграции видится сам Петербург. И, как некогда Пушкин желал вызвать "возлюбленную тень" из загробного мира, так и Набоков почти из небытия оживляет своим воображением петербургский мир, свою юность. Туманный город и весенний сад почти безвозвратно потонули в водах Невы-Леты, но поэт с тоскою и страстью закликает их: "Ко мне!" В тяжелые годы эмиграции они продолжают быть живыми в душе поэта.

Итак, петербургские сады в поэзии Серебряного века раскрывают пространство города двояко. Для модернистов их образы включаются в систему оппозиций: природа и культура, идеальное и inferнальное, повседневное и мистическое. В мире антитез, каким предстает город, сады далеко не всегда являются островками гармонии. Символистам открывается проникнувший в них "ген" разрушительности, тленности, обреченности. Поэты-эмигранты через сады, с которыми они связывают свою молодость, напротив, раскрывают идеальную сущность города. Несмотря на все различия, русская поэзия, отталкиваясь от жизненной реальности, от личных впечатлений и привязанностей, в своей интерпретации садов устремлена к постижению метафизических перспектив.

Литература

1. Альманах-путеводитель по Петербургу. Сост. И. Зарубин. СПб., 1892.
2. Бенуа А.Н. Архитектура Петербурга // Мир искусства. 1902. №4. С.85. Подробнее см.: Разумовская А.Г. Петербургская печать начала XX в. о состоянии столичных садов и парков // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения - 2008): в 2 ч. Ч.1: Книжное дело. Культурология: сб. науч. тр. СПб., 2009. С.52-58.
3. Блок А.А. Поэзия. Драммы. Проза. СПб., 2002.
4. См.: Голицына В.Н. Пушкинский мотив "младого племени", его взаимодействие с другими литературными реминисценциями в книге В.Ходасевича "Путем зерна" // Русский язык от Пушкина до наших дней. Псков, 2000. С.179-182.
5. Лившиц Б.К. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Вступ. статья А.Урбана; сост. Е.Лившиц и П.Нерлера; подготовка текста П.Нерлера и А.Парниса; примеч. П.Нерлера, А.Парниса, Е.Ковтуна. Л., 1989.
6. Мандельштам О.Э. Египетская марка // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2-х т. Т.2. Проза. Переводы. М., 1990.
7. Петербург в русской поэзии XVIII - первой четверти XX века: Поэтическая антология. /Сост., вступ.ст., коммент. М.В.Отрадина. СПб., 2002.
8. См.: Разумовская А.Г. Летний сад в поэтической традиции XX века: диалог пространства и слова // Русская литература. 2009. №4. С.166-182.
9. См.: Столянский П.Н. Старый Петербург. Садоводство и цветоводство в Петербурге в XVIII веке. СПб., 1913. С.4, 78.
10. Топоров В.Н. Петербург и "Петербургский текст русской литературы" (Введение в тему) // Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. С.61.
11. См.: Урбан А. Метафоры ожившей материк // Лившиц Б.К. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Вступ.статья А.Урбана; сост. Е.Лившиц и П.Нерлера; подготовка текста П.Нерлера и А.Парниса; примеч. П.Нерлера, А.Парниса, Е.Ковтуна. Л., 1989. С.5-36.